

С.П. Ильев

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ АНДРЕЯ БЕЛОГО)

В произведениях художественной литературы свои имена, отчества и фамилии персонажи получают в зависимости от общего замысла произведения (концепции) и той функции, которой каждый из них наделен автором. Семантика текста произведения в значительной степени складывается как художественная концепция в результате интегрирующей и когерирующей функции системы персонажей. Зачастую в именах действующих лиц заложены в скрытой форме разнообразные значения, которые раскрываются только в процессе анализа структуры произведения. Однако в начале XX века авторы отказались от традиции так называемых "говорящих" имен литературы XVIII века, унаследованной русской литературой XIX века, особенно в драматургии Гоголя и Островского. Проза XX века стала вуалировать не только прямые значения имен персонажей, но и оттенки значений (коннотации). Очень часто все семантическое поле такого имени участвует в создании образа действующего лица и определяет его структуру. И в этих случаях этимологические истоки значений имени могут выступать как определяющие.

Обращение писателей к именам иноязычного происхождения, помимо традиции, можно объяснить тем, что такие имена, будучи по существу "говорящими", воспринимаются читателем как имена вообще (знаки), лишенные конкретного значения, кроме самой функции наименования (собственного имени). Есть, однако, и другое объяснение: так, в произведениях русских символистов иноязычные имена обычно указывают на связь образов с мифологическими и неомифологическими текстами различных национальных культурных традиций. Благодаря соотносительности таких художественных произведений с мифопоэтическими традициями возникает эффект символических значений, т.е. такого семантического поля, которое придает образной системе экспрессивную синкретичность (нераздельность иконического и логического планов), универсальную

многозначность и способность к органическому сочетанию идельного и материального, чувственного и сверхчувственного, инфернального и сакрального, указывающие на многомерность мира.

Символические значения имен далеко не всегда равны этимологической семантике слов. Они возникают в конкретной текстовой структуре и находятся в сложном взаимодействии, наслаиваясь на устойчивые понятия и создавая новые или переосмысляя старые. В одной современной работе замечено, что в романах Андрея Белого "Собственное имя стремится выйти за пределы свойственного ему употребления и расширить сферу своего влияния. Это выражается прежде всего в символизации собственного имени, которое понимается как воплощение определенных особенностей персонажа и шире - определенной идеи. Переход от собственного имени как такового к собственному имени-символу (...) в произведениях Белого происходит внутри самого текста".¹

В романе "Петербург" Андрея Белого главное действующее лицо - сенатор Аблеухов Аполлон Аполлонович уподобляется Сатурну, Зевсу и Аполлону. Вместе с тем в тексте есть указания на несколько источников его фамилии.

На ее восточное (монгольское, "туранское") происхождение указывает имя прапрадеда сенатора Мирзы Аб-Лая, получившего прозвище Ухов. Это прозвище может иметь два источника - киргизский и русский. В статье "Киргизское родословие" потомок киргиз-кайсацкого султана Аблая Чокан Валиханов ссылается на некое "общее народное сказание, известное каждому киргизу, питающему хоть малую претензию на белобородство (т.е. на достоинство АКСАКАЛА=белобородого, "старейшины" - С.И.) и СТАРОЕ УЗО /карекулах = много слышавший/"² "Каре-кулах" (точнее кар. П) (кулак = старые уши) относилось к сведущим людям, хорошо знающим историю прошлых времен.³ Большие уши в прямом и переносном смысле унаследовал и сенатор (= мирза - правитель),⁴ что нашло обратное отражение в его фамилии, если выводить ее из русского слова "облый", тем более, что в русской ономастике известна форма "Облеухов"⁵ по Дадю, ОБЛОУХ, ОБЛОУХИЙ - ушастый, долгоухий или вислоухий.

Поскольку образ сенатора сближается с известным реакционером К.П.Победоносцевым, ставшим имшенью сатирических журналов в годы первой русской революции, в романе есть замечание о том, что "Аполлон Аполлонович не волновался нисколько при созерцании совершенно зеленых своих и увеличенных до громадности ушей на кровавом фоне горящей России" (13). Таким образом, СТАРЫЕ БОЛЬШИЕ УШИ становятся приметой ПРАВИТЕЛЯ-ГУБИТЕЛЯ

страны, что находит выражение в его имени АПОЛЛОН (= губитель, одно из имен античного бога). Как Аполлон-стреловержец он из Петербурга сыплет циркулярами-стрелами, поражающими губернии империи. Эти стрелы - производные от мыслей-молний, возникающих в мозгу сенатора, а змеевидная молния - атрибут Зевса-громовержца: "(...) казалось, невидимый беленький огонек, вспыхнувши между глазами и лбом, разбрасывал вокруг снопы змеевидных молний; мысли-молнии разлетались, как змеи, от лысой его головы" (50). Голова с отходящими от нее змеямси даст уже другой мифический образ - образ медузы Горгоны, леденящий взгляд которой обращал все живое в камень. Категории холода и камня - тоже постоянные атрибуты Аполлона Аполлоновича (17, 53 и т.д.), своей мертвящей деятельностью превращающего живую действительность в петро- и криосферы.⁶

Чиновники Учреждения, которое возглавляет сенатор, дали своему начальнику прозвище Нетопырь (летучая мышь, ушастая мышь), что опять же связано с именем персонажа: ведь Аполлон - также Сминтей, т.е. мышинный, так как по одной версии мифа он был истребителем мышей, а по другой - их покровителем (во всяком случае мышь - один из устойчивых атрибутов Аполлона). Сравнение испуганно обоорвавшейся шутки (при появлении сенатора) с мышонком, влетевшим в шелку (50), как будто указывает на то, что здесь Аполлон Аполлонович - гроза мышей, тогда как сын его покровительствует хэтим животным: "Николай Аполлонович отличался необыкновенной нежностью к этим маленьким тварям" (95).

Аполлон Аполлонович предпочитает цвета серый и черный: серое пальто (14, 52) и черные замшевые перчатки (14, 19) и черный цилиндр (52), т.е. цвета мыши и нетопыря.⁷ В знаменитых стихах Блока о возможном прототипе сенатора Аблоухова

Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла

выдвинут атрибут Афины-Паллады, дочери Зевса, атрибутом которой была сова, ночная птица, истребляющая мышей. И сова, и нетопырь - ночные крылатые существа (отсюда, кстати сказать, "крылатая шинель" /116 - Николая Аполлоновича, покровителя мышей), боящиеся дня и света. Смена дня и ночи - это время, которое создается движением планетных систем, одна из которых (шестая) названа именем бога Сатурна-Хроноса (безначального времени). Семантическая переключка времени и вращения выражена в игре слов, дающих смыслы "Сатурн" и "это вертится" (*Cela ... tourne (...)* Sa ... tourne (239)).

Анализируя структуру мифа об Эдипе, К.Леви-Стросс отмечает "недооценку или обесценение отношений родства" в нем и тот факт, что имена Эдипа, его отца и деда имеют общий признак, а именно: "предположительно выражают некое затруднение в пользовании конечностями".⁸ В частности, имя отца Эдипа Лай - значимое, указывает на хромоту, как и значение имени "Эдип". Это замечание К.Леви-Стросса помогает объяснить значение общего корня в именах Аб-ЛАЙ и Нико-ЛАЙ. И отец, и сын, отношения которых строятся на основе мифа об Эдипе и так называемого "Эдипова комплекса", - оба действительно испытывают "затруднение в пользовании конечностями": первый - по старости и по болезни, второй прихрамывает на ходу, а впоследствии, подвергнутый терзаниям друга детства, прихрамывает уже от боли в ноге. Отсюда - их частые преткновения и падения: Аполлон Аполлонович спотыкается на полуслове (224) и на лестнице, и в момент его падения перед сыном предстала картина замышляемого им отцеубийства; Николай Аполлонович падает на мостике Зимней канавки (127, 170) падает, отброшенный разъяренным Лихутиным (361), спотыкается на лестнице (71).

Кстати, в имени Липпанченко (Николай), также выделена особенность строения конечностей персонажа, - вывернутые, как у таракана, ноги (277), - что сближает провокатора убийства сенатора с сыном-отцеубийцей. Имя "Николай" (= предводитель народов, войск), данное убийцам, пародийно ассоциируется с именем Тимур-ленга, Великого хромца, так что они в этом смысле - "тимуриды" - хромцы без войска. Достаточно сравнить слова Липпанченко: "Да ... я действую, как диктатор, единственной волею ..." (283) с мелькнувшей в сознании Дудкина мыслью: "провокатор высшего типа уж конечно бы мог обладать наружностью Алеухова"-младшего (284).

Можно указать и на такое значение названных имен в романе: в фамилии, имени и отчестве сенатора есть один общий элемент: Аб - Ап - Ап (б=п), который синтезирует "восточный" и "западный" источники имени и генеалогии его носителя. Предок Аб-Лай (Абу-Лай) был родоначальником Аблеуховых, так что тюркское "Абу-Лай" (=мудрый отец)⁹ перекликается с латинским "ab ovo" (= от яйца, с самого начала), и это значение соотносится с ностальгией Аблеуховых по "золотому веку" (стадии Сатурна) или нулевому времяисчислению (239). Как отец сенатор воплощает быстротекущее время (Сатурн и сатурново царство) - начало, породившее Николая Аполлоновича. Намерение сына бросить бомбу в отца означает поворот круга времен ("это вертится") к исходной точке отсчета - катастрофе, равной нулю (криосфере). Мотив "вечного возвращения", как видим, заложен уже в самих именах

персонажей, в их структуре, выражаемой кругом, шаром (сферой), безмерным расширением до бесконечности, обозначаемой нулем.

Тюркское (восточное) происхождение Аблеуховых заложено не только в их фамилии, но и в тех ликах, которые им видятся в сновидениях: в снах Николая Аполлоновича отец видится ему древним туранцем; в снах Аполлона Аполлоновича его сын является с физиономией монгола (139). Но себя Аполлон Аполлонович видит рыцарем¹⁰ в синей броне с клинком в руке, противостоящим монголу (139).

Оппозиция Восток - Запад заложена не только в сочетании Аблай - Аполлон, но и в том, что это единство, воплощенное в НИРВАНИЧЕСКОМ КАНТИНИАНЦЕ Николае Аполлоновиче, эмблематически вновь предстает оппозицией в гербе Аблеуховых: единорог (Восток), прободающий рыцаря (Запад).

В фамилии провокатора Липпанченко также объединены значения, возникающие от двойственности происхождения и роли персонажа, двойственности, восходящей к универсальной в романе оппозиции Восток - Запад. Уже в фамилии "Липпанченко" есть элементы этой оппозиции: Липпа¹¹ - имя западное, а Панченко - соответственно восточное. Вообще же оно - "липа", так как "Липпанченко" не подлинное имя персонажа, а псевдоним. Как уверенно утверждает Варвара Евграфовна Соловьева, он "не Липпанченко, а грек из Одессы: Маврокордато" (114). Это имя вызывает новые значения: мавр = черный; сог, cordis, cordatus = сердце, душа, чувство, а также ум, мысль, рассудок; кроме того cordax = кордак: веселая пляска хора в древнегреческой комедии и трохайский ритм, названный так за его БЕГЛОСТЬ. Таким образом, новое имя провокатора говорит об его черной душе, черном сердце, черных помыслах, греческом (западно-восточном) происхождении и указывает на его беглость, скрытность, частую перемену места пребывания: то в номерах у Манпонши (114), то в загородном доме. И в авторской характеристике этого персонажа подчеркнуто повторяются два цветowych обозначения в их единстве - ТЕМНО-ЖЕЛТЫЙ: монгольские глазки (42), желтоватое лицо, полосатая темно-желтая пара, желтые ботики (40). В романе желтое ассоциируется с Востоком (монгольским, "туранским"). Глядя на провокатора, Дудкин подумал: "тьфу, гадость - татарщина" и спросил собеседника: "Извините, Липпанченко, вы не монгол?" (43). Уклончивый ответ ("Во всех русских течет монгольская кровь ..." - 43) как будто подтверждает догадку Дудкина.

"Липпанченко", - действительно, "липовое" имя, так как нынешний 45-летний Липпанченко - это бывший 25-летний парижский студент

Липенский (379), что указывает на Запад, но строение черепа (лобная кость) придавала ему вид "совершеннейшего носорога" (382), животного восточного.¹² Таким образом, единорог, прободающий рыцаря на гербе Аблеуковых, - это восточный человек (носорог) Липпанченко, провоцирующий убийство сенатора (рыцаря).

Один из главных персонажей романа террорист Дудкин, он же Погорельский, он же Горельский, имеет своего "восточного" двойника в образе младоперса Шишнарфиева, возникающем в галлюцинациях героя. Он "сгущается" в образ из нескольких иррациональных ассоциаций, получающих вербальное выражение. В кошмарных "снах его (Дудкина) обступали все какие-то хари (почему-то чаще всего татары, японцы или вообще восточные человеки); (...) пакостными своими глазами (они) все подмигивали ему; но что всего удивительнее, что в это время неизменно ему вспоминалось бессмысленнейшее слово, будто бы каббалистическое, а на самом деле черт знает каковское: ЕНФРАНШИШ". Наяву же появлялось "одно роковое лицо на куске темно-желтых обоев его обиталища" (88). Так, множество иконических феноменов предстает как собирательное понятие с иррациональным вербальным обозначением, которое затем вызывает единичный образ - "роковое лицо" с чертами "provokatora высшего типа" Липпанченко. Если слово "енфраншиш" воспринимается Дудкиным как каббалистическая абракадабра, то образованная от него инверсивная форма реализуется как "восточный человек" младоперс Шишнарфнэ-Шишнарфиев.

В действительности же слово "енфраншиш" - искаженное выражение "en français" (= по-французски), уриденное Дудкиным на упаковке ПЕРСИДСКОГО порошка - средства для борьбы с клопами, осаждающими его жилище. Таким образом, из порошка, праха, пыли, - общего русским символистам паокалиптического мотива окончательного распада и гибели, - возникает кошмарный образ "восточного" двойника западника Дудкина, развивавшего теорию озверения и ниспровержения культуры (296) и тем самым как бы вызвавшего для воплощения самого духа всеобщей гибели (ШИШ = сатана, бес, привидение, соглядатай). Однако и двойник двойствен, так как он происхождения восточного ("родина моя - Шемаха", - рекомендуется он Дудкину), а обитает на Западе (в Финляндии), производится же во Франции (en français), так как, по его словам, "Франция под шумок вооружает черные орды и вводит их в Европу" (295, 296).

Во "Французском" слове и его "персидской" инверсии сохраняется однозначный корень "ШИШ", одна из коннотаций которого - "ничто", указывает на ренегатство Дудкина, увидевшего в революционном дви-

жении одно только разрушение (движение младоперсов и начало революции в Персии совпали с событиями первой русской революции, вызванные, по его мнению, Францией - родиной революций). Итак, можно сказать, что слово "ШИШНАРФНЭ" - синоним революции по-французски (en français) на Востоке (в Персии, в России и т.д.). Воплощенным выражением этого "НИЧТО" выступает и сам Дудкин, фамилия которого указывает на его внутреннюю опустошенность (по Далю, ДУДКА = ствол бурьянного растения) и на происхождение его кошмаров (по Далю, ДУДЫШ, ДУДЫШКА, ДУДКА = пропойца, пятах, пьяница).

Желая подчеркнуть тот факт, что Дудкин - незаконный (блудный) сын революции, Андрей Белый наделяет его двумя вариантами его подлинной фамилии: Горельский и Погорельский. Совпадение имен террориста и русского писателя Антония Погорельского (псевдоним Алексея Алексеевича Перовского, автора книги "Двойник", незаконного сына графа А.К.Разумовского) имеет целью намекнуть на известную традицию русской знати: "незаконнорожденный" сын получал усеченную форму фамилии отца (например, известный писатель XVIII века Пнин был побочным сыном князя Репнина); соответственно "прогоревший" революционер-террорист Алексей Алексеевич Погорельский именуется его двойником как Андрей Андреевич Горельский. Кроме того, как "идейный сын" "первого раскольника" России он принимает имя его сына - восточника царевича Алексея и потомков Петра I, царей-западников (Александр). Как АЛЕКСЕЙ он ПРИЗВАЛ/АНДРЕЙ перевозанный (быть ПОМОЩНИКОМ "отца" в деле разрушения России, - части "стародавнего монгольского дела" как "разрушения арийского мира" (237), - таким образом, Петр, казнивший сына, через 200 лет "осознал" свою ошибку и признал в революционере "сынка"), а как АЛЕКСАНДР он, борясь с русской самодержавной государственностью, выступает как действенный ЗАЩИТНИК дела Петра - разрушителя.

Бездна, над которой замерла Россия, вздыбленная Петром, символически воплощается и в раннем романе Андрея Белого "Серебряный голубь". Здесь противопоставлены два персонажа - Петр Петрович Дарьяльский и Павел Павлович Тодрабе-Граабен. Имена героев соотнесены с именами русских царей (в плане историческом) и с именами апостолов (в плане историософском). В то время как Павел Павлович остается до конца западником, Петр Петрович покидает лагерь западников в пользу "Востока". Его попытка перейти пропасть между Востоком и Западом стоит ему жизни. Эта пропасть - в его фамилии, которая дала имя не только ущелью на границе Востока и Запада, но и

этимологически означает *пропасть, бездну*, разделяющую два мира. *Ямой*, вырытой его убийцами в огороде купца Еропегина, закончилась жизнь Дарьяльского. Однако и позиция западника грозит гибелью, с чем говорит фамилия Павла Павловича (в облике и голосе которого было что-то ВОРОНЬЕ), поскольку в переводе "Тодрабе-Граабен" означает "ВОРОНЬЯ ЯМА, могила". Бездна, разверзающаяся под героями романа по горизонтали Восток-Запад, получает измерение и по вертикали, о чем говорит название места "Мертвый Верх" или фамилия попа - Голокрестовский. От имени Тодрабе-Граабен Гуголева (название, очевидно, по имени предка владельцев Гуго) на Западе и до села Целебеева (с тюркским корнем "бей") на Востоке и до города Лихова (в неизвестном направлении) господствуют сатанинские силы, легионы бесов, мулящие сельскую молодежь урбанистическими новшествами, которые усиливают всеобщий разброд и шатание.

Носители идей социализма и религиозного сектанства приходят из-за Мертвого Верха, со стороны "мертвого города" Лихова, и обитают в оврагах, яругах, ярах. Главный местный бес - столяр КУДЕЯРОВ (*кудесит в яру*, где живет, а также, возможно, от имени кокандского хана-мистика *Худояра*), а в городе - лиховский медник Сухоруков, убийца Дарьяльского. Они персонифицируют то дьявольское навождение в округе, которое Дарьяльский определяет словами библейского пророка как роковое предназначение человека: "ужас и яма, и пегля тебе, человек!" (111). Это - "темная бездна Востока прет на Русь"(111).

Все эти имена (Дарьяльский, Тодрабе-Граабен, Сухоруков, Кудеяров, Голокрестовский) так или иначе вызывают ассоциации, создающие обобщенное представление о всеобщей гибели, имя которой некое безобразное Лихо, в котором воплотился присутствующий писателю апокалиптический катастрофизм.

Из сказанного выше видно, что в модернистской прозе символ не сводится к образу. Он создается как результат развернутых рядов вербальной, логических, культурно-исторических, идеологических значений, коннотаций и смыслов, далеко не всегда связанных с образно-иконическим планом реальности (в принципе он может обойтись и без них).¹³ Однако в тексте произведения ряд разворачивается как вербальные обозначения - знаки абстрактных (аниконических) и конкретных (иконических) явлений, завершающихся безобразным обобщением универсального масштаба (в пределах изображенной в произведении действительности). Таким образом, ряд разворачивается в обратном порядке: не от символа, а к символу. И символом будет не образ, а субъективное авторское представление переживаемого им эстетически феномена.

Примечания

- 1 Кожевникова Н.А., "Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого". - В кн.: *Ономастика и грамматика*. - М.: Наука, 1981, с. 222.
- 2 Валиханов Ч.Ч., *Собрание сочинений в пяти томах*. Т.I. - Алма-Ата, 1961, с. 211.
- 3 Там же, с. 660.
- 4 См.: Гафуров А.К. *Лев и Кипарис* (о восточных именах). - М.: Наука, 1971, - с. 98 - 100.
- 5 См.: Андрей Белый. *Петербург*. - М.: Наука, 1981, с. 642.
В дальнейшем все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в скобках.
- 6 В доме сенатора на балюстраде "белая Ниобея поднимала горе алебастровые глаза" (53). В мифе Ниобея сражена Аполлоном за гордость а в статуе она скаменела. Кроме того у сенатора каменное лицо (52).
- 7 "Лишь отсюда (в Учреждении) он (Аполлон Аполлонович) возвышался и бездумно парил над Россией, вызывая у недругов роковое сравнение (с негопырем)" (51).
- 8 Леви-Строс К., *Структурная антропология*. - М.: Наука, 1983, с. 191, 192.
- 9 См.: Гафуров А.Г., *Лев и Кипарис*, с. 12 - 15; Валиханов Ч.Ч., *Собрание сочинений в пяти томах*, Т.I. с. 427.
- 10 Возможно, намек на романтическую биографию предка Аблеуховых киргиз-кайсацкого султана Аблая (1717 - 1781), о котором его потомок Чокан Валиханов писал: "Век Аблая у них (киргизов) является веком киргизского РЫЦАРСТВА". (Валиханов Ч.Ч., *Собрание сочинений в пяти томах*. Т.I., с. 430).
- 11 Греч. lipos = жир; лат. liprus, -a, -um = гноящийся; франц. lippe = отвислая нижняя губа и lipru = толстогубый, губастый - все черты, отмеченные в облике персонажа уже на сс. 40-43, а если учесть корень "пан", то получится понятие господства некой демонической универсальной губастости. СЛИЗЬ и ЛИПКОСТЬ также учтены в его образе: "не отлипает Липланченко" (403).
- 12 Эта двойственность персонажа определяется автором как "сочетание внутренней хилости с носорожьим упорством" (273). В нем сочетаются детское и старческое начала: "сорокапятилетнее, непри-

личное пауковое брюхо" (379) на досуге играет в оловянные солдатики: "покупает ПЕРСОВ, выписывает из НЮРЕНБЕРГА коробочки" (274). Как видно, в его детских забавах также присутствует бинарная оппозиция Восток - Запад. Его подруга - жгучая восточная брюнетка с восточно-западным именем Зоя Захаровна Флейш [от нем. Fleisch = мясо].

- ¹³ Как показал А.Ф.Лосев, возможны произведения (например, пушкинское "Я помню чудное мгновенье...", лермонтовское "И скучно, и грустно ..."), полностью АНИКОНИЧЕСКИЕ (безобразные). См.: А.Ф.ЛОСЕВ. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе. - В кн.: *Литература и живопись*. - Л.: Наука, 1982, - с.38 - 40.